

Е. Р. Якимова¹, С. В. Трофимова²

РЕФЛЕКСИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДА В ЛИТЕРАТУРЕ ПОВОЛЖЬЯ

¹Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия

²Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия

Аннотация. В данной статье речь идет о традиционных ценностях чувашского и других народов Поволжья, которые находят отражение в их литературе и фольклоре, таких как уважение и почитание старших, поддержание доброго имени, чести. Поведенчески чуваш и другие этносы России были приверженцами коллективистских традиций, которые являлись средством передачи социального опыта от старшего поколения младшему, выполняли воспитательную, регламентирующую и информативную функции. Проанализированы литературные произведения конца XX – начала XXI в., в которых их авторы пишут о последствиях, вызванных утратой привычных ценностей, потерей связи поколений, проседанием общественных норм.

Ключевые слова: традиционные ценности, нравственные ценности, национальная идентичность, мировоззрение чувашского народа, картина мира.

E. R. Yakimova¹, S. V. Trofimova²

REFLECTION OF TRADITIONAL VALUES OF THE PEOPLE IN LITERATURE OF VOLGA REGION

¹I. Ulyanov Chuvash State Universiti, Cheboksary, Russia

²I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. This paper deals with the traditional values (respect for senior generation, reputation and honour) of the Chuvash and other peoples of the Volga region, which are reflected in the literature and folklore of these peoples. Behaviorally, the Chuvash and other peoples of Russia followed collectivist traditions, which were a means of sharing social experience from the older generation to the younger generation, performing educational, regulating and informative functions. The paper analyzes the works of the late 20th and early 21st centuries, in which the writers discuss the consequences caused by the loss of customary values, generation gap, downfall of social norms.

Keywords: traditional values, moral values, national identity, worldview of the Chuvash people, world view.

Актуальность исследуемой проблемы. Говоря о культуре, мы прежде всего имеем в виду ценности, которые любой народ, обитающий на Земном шаре, пронес через столетия и стремится сохранить. Фольклор и литература, наряду с другими формами культуры, являются отражением сознания и мировоззрения этноса, его нравственных ценностей и идеалов, феномена мудрости, традиций, или, как сказали бы современные ученые, его картины мира, представляют богатый и интересный материал для понимания проблем, связанных с национальным началом. Цель данной статьи – проследить влияние

традиционной народной культуры на литературные произведения, проявление коллективистских категорий в словесности.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования послужили литературные труды чувашских и татарских авторов, поднимающих проблему исчезающих традиций, трансформации личности под давлением цивилизации, рисующих образ отклоненного от идеала совершенного человека этноса; применен системный анализ.

Результаты исследований и их обсуждение. Анализ текстов (фольклорных и из художественной литературы) показывает, что чувашский народ среди ценностей на первый план выносил такие, как согласие с окружающим миром, природой, обществом (в первую очередь родственниками), поддержание доброго имени (*ырă ят*), почитание старших. Честь и достоинство, доброе имя перед сородичами ставились выше материального богатства. *Ят каять пуль (не потерять бы имя (честь)), ял мён калё (что скажет деревня (люди))?* – таковы были основные вопросы, которыми задавались чуваша, прежде чем что-либо сделать; так они и воспитывали детей. Коллективистские традиции народа являлись средством передачи социального опыта от старшего поколения младшему, выполняли воспитательную, регламентирующую и информативную функции.

По представлениям чувашей, совершенный человек – общественный, освоивший культурные ценности своих предков. Прежде они никогда не рассматривали себя индивидуумом, не ассоциировали себя в отрыве от коллектива. Каждый человек с рождения и до самой смерти считался членом, составной частью общества. А в коллективе принято было сверять свои поступки с общественной моралью, нравами, обычаями. Коллективистские традиции аккумулировали тысячелетний опыт и мудрость народа. Так, мать из повести «Ят» («Перевертыш») чувашского прозаика А. Емельянова на протяжении всего произведения повторяет сыну: «ятна ан яр» (не теряй имя (честь)).

Обязательная составляющая коллективных оценок – строгое следование моральным стандартам общества в повседневной жизни. Хведер из чувашской поэмы XIX в. «Арçури» («Леший») М. Федорова думает о том, как бы оставить доброе имя после себя [17]. Коллективные ценности были и остаются ведущими и неприкосновенными в представлениях народа, так как «проблема национального традиционного коллективизма – это вопрос этнической выживаемости чувашей» [9, с. 4]. Указанные признаки говорят о том, что чуваша сверяли свои действия и поступки в первую очередь с традициями и нравами, принятыми в обществе, коллективе. Такой коллективистский образ жизни был принят во всех традиционных культурах, где не было места индивидуальному началу и где человек мог считаться личностью лишь после достижения им совершеннолетия (да и то лишь в отсутствии более старших представителей). Так, чувашские литературные герои XX в. Айдар писателя П. Осипова («Айдар» («Айдар»)), Тилли П. Хузангая («Тилли юрисем» («Песни Тилли»)), Кельбук Я. Ухсая («Кёлпук мучи» («Дед Кельбук»)) говорят «от лица народа», в речи «опираются» на общество, чувствуют его поддержку. Так же и многие представители эпического жанра как бы «говорили» от лица всего этноса.

В традиционной культуре семья, племя, род являлись центральным стречнем и фундаментом всего существования. Приоритет здесь отдается «традициям, образцам и нормам, аккумулирующим опыт предков, канонизированным стилям мышления» [10, с. 185]. Неспоста поэмы П. Хузангая «Аптраман тавраш» («Род Аптрамана») и Я. Ухсая «Кёлпук мучи» («Дед Кельбук»), составляющие классическую сокровищницу чувашской литературы, восхваляют семейные ценности: связь поколений, почитание старших как примера для подрастающего поколения, земли, родины, Отчизны. «Первое, что бросается в глаза в поведении чуваша в любом обществе, среди любого народа, – исключительное (почти „религиозное“) обязательно-почтительное отношение к самому старому человеку из присутствующих, – отмечает известный чувашский поэт Г. Айги. – В детстве, в тяжелые военные и послевоенные годы, я не раз наблюдал, как некоторых сильных,

„состоятельных” (весьма условно – по меркам того времени и в сравнении с бедностью других), „зарывающихся” мужчин двумя-тремя словами мог урезонить, „поставить на место” человек слабый и бедный, но один из старейших в деревне» [1, с. 171]. Из этого отрывка видно, насколько почитали и уважали чуваша старших.

Тысячелетиями представители традиционной аграрной культуры придерживались опыта предков, старались не осквернять землю, всячески показывали уважение к ней (традиционные календарные праздники в честь начала земледелия или окончания полевых работ), почитали природу как праматерь всего живого на Земле (во всех старых традиционных верованиях природа предстает как Бог).

«Говоря о связях чувашей с природой, – пишет далее Г. Айги, – отметим: эта связь такова, что во многих образцах чувашского фольклора трудно отделить человека, его чувства от растений, от дерева, от леса. Если чуваш увидит кого-либо, сдирающего кору с живого дерева, тотчас же сделает замечание: „Зачем сдираешь кору с дерева: ладно ли будет тебе, если с тебя самого будут драть кожу”... Примечательно, что у чувашей считалось грехом рубить старые деревья в деревнях: они должны были умирать естественной смертью, как старые люди» [1, с. 172]. Нужно отметить, что сам поэт, получив известность на Западе, впитав европейскую культуру, никогда не терял связь со своими предками, своей землей и Родиной [16].

Человеческая активность в традиционных обществах осмысливалась «как ориентированная вовнутрь человека, на самосозерцание и самоконтроль, которые обеспечивают следование традиции» [4].

Ситуация коренным образом начала меняться во второй половине XX в. Вся последующая плеяда поэтов (именно поэзия в силу специфики жанра быстро откликалась на перемены в эпохе) постепенно отходила от коллективистских чувств. (Хотя нельзя утверждать, что в сознании чувашского этноса коллективистское чувство исчезло.) Лирические герои П. Эйзина, Л. Мартыановой, П. Яккусен, И. Дмитриева (Трера), А. Аттила, оторванные от народа, в одиночестве мучительно ищут смысл своего существования, место и предназначение в жизни. Поколение чувашских поэтов и писателей конца XX в., как, впрочем, и все население постсоветского пространства, активно усваивало достижения техногенной западной цивилизации, а вместе с ним и ощутило потерю связи поколений, проседание общественных норм, бессмысленное существование из-за утраты привычных ценностей. Так, о нарушении связи поколений как утери человеческого ценного много пишут русский писатель В. Распутин, чувашские – Б. Чиндыков, А. Тарасов, М. Карягина, татарская – Р. Рахман, а также многие другие.

«Сегодня чувашскому народу в качестве бытийственной парадигмы предлагается иная модель развития, где приоритет отдается несвойственным чувашам индивидуалистическим мировоззренческим установкам и духовно-душевной ориентации, особенному цивилизационному стандарту, где экономический успех является самодовлеющим», – пишет философ Г. Матвеев [5, с. 16]. Жажда наживы, не сопряженная с нравственностью, осуждалась в чувашском мировоззрении. Это упоминал и классик чувашской поэзии К. Иванов в начале XX в. (в поэме «Нарспи», трагедии «Шуйттан чури» («Раб дьявола»)) [13]; об этом же твердят сегодняшние писатели.

Например, молодой чувашский прозаик Н. Ильина в рассказе «Турăсăр тупнă телей» («Счастье без Бога») показывает, как по мере накопления капитала человек теряет свои человеческие качества, богатство ему не приносит счастья, напротив, рушит семью, рождает ненависть к окружающим [15].

Татарский писатель А. Гилязов в повести «В пятницу вечером» устами Джихангира говорит: «Мы теперь уже не бедны. <...> Но вместе с тем богатство – вещь коварная, способная начисто перерождать человеческую натуру, мышление. И если не научимся жить с высокими целями, идеалами, ставить перед собой все новые и новые коллектив-

ные задачи – можем превратиться в рабов желудка, в рабов бездуховного накопительства» [3, с. 291]. Тут же автор предостерегает: «... наше поколение должно найти в богатстве, расцвете материальных благ не указание к накопительству, жадности, взаимному отчуждению, а наоборот – путь к воспитанию чувства объединяющей дружбы, коллективизма, путь ко всему прекрасному. <...> к богатству надо идти осторожно, все время четко прислушиваясь к совести своей...» [3, с. 292].

Схожие мотивы встречаются и во всей многонациональной российской литературе [6], [12], [14]. Анализируя рассказ «Матренин двор» А. Солженицына, М. Попова пишет: «Характерное для нее (Матрены – Е. Я., С. Т.) отсутствие интереса к личной собственности, жажды наживы, которые присущи остальным жителям деревни, напоминает учение Толстого о том, что личная собственность является причиной изоляции людей друг от друга и препятствием на пути достижения всеобщего братства. <...> отсутствие интереса к материальным благам и обладание высшими духовными ценностями, альтруизм и всепрощение, постоянная готовность прийти на помощь ближнему составляют сущность образа Матрены» [8, с. 130]. Все эти черты, по мнению М. Поповой, принадлежат к традиционным «почвенническим» ценностям. Действительно, традиционализм тесно связан с сельскохозяйственной культурой, так как вся деятельность человека – и экономическая, и духовная – напрямую зависела от земли и природно-погодных условий. Отсюда и другая, не менее важная, черта крестьянина-земледельца – всепрощение, ибо только выращивающий хлеб наделен долготерпением и святостью. «Душа у крестьян добрая, – говорит один из героев повести А. Гилязова «Три аршина земли». – У всякого человека, когда у него рождается ребенок, душа становится добрее. А у крестьянина каждую весну на земле нарождается живое. Потому и душа у него добрая. Он и пожалеть, и простить может» [3, с. 154].

Сегодня на Земле не осталось практически ни одной традиционной культуры в чистом виде. Динамично развивающийся мир помещает человека в пространство разных культур, вынуждает его обрывать корни, отказываться от традиций, заставляет приспосабливаться к реалиям чужой, непривычной культуры. В шкале ценностей этой новой культуры приоритет отдается индивидуализации личности, что не свойственно представителям традиционного общества. Тогда как человек традиционной культуры старался жить общиной, коллективом, индустриальный человек разрывает все свои старые связи, прежде всего родственные. Отсюда, для Запада характерны нуклеарные семьи, где отсутствуют представители старшего поколения со всеми вытекающими отсюда последствиями: нивелированием родственных ценностей, отсутствием передачи опыта от старшего поколения младшему, уважения к взрослым. Эти обстоятельства хотя и объединяют индивидов в единое человечество, но в то же время они изолируют, атомизируют его. Поэтому все больше и больше людей жалуются на одиночество и непонятость.

В литературе последних лет отражаются хамство и лицемерие, отсутствие жизнерадостности (Г. И. Федоров [11, с. 14]). Видимо, это последствия техногенной революции, которые в искусстве проявились в стиле постмодернизма. Все чаще героями сегодняшних произведений становятся персонажи с девиантным поведением; брошенные дети (Л. Сачкова «Чун» («Душа»), Д. Гордеев «Хуп хушшинчи сылӑх» («Грехопадение»), Н. Сидоров «Ўулӑ тӑкӑнать» («Падают листья»), А. Мышкина «Тимӑрпе хуӑлнӑ чечексем» («Разбитые сталью цветы»)); спившиеся люди (даже женщины) (Е. Лисина «Арӑын Хветура» («Мужеподобная Федора»), Н. Ильина «Хӑр кӑлетки» («Фигура девушки»), Б. Чиндыков «Аӑу» («Отец»)); одинокие (А. Тарасов «Шӑрӑк» («Сверчок»), «Икӑ ватӑ» («Двое в старости»), «Матви ташши» («Танец Матви»), Н. Ильина «Шӑранса та пӑтми» («Пламя ада»)); в погоне за богатством потерявшие человечность (Н. Ильина «Турӑсӑр тупнӑ телей» («Безбожное счастье»)); ищущие смысл жизни, тоскующие о потерянных генетических корнях (Б. Чиндыков «Сурӑр хыӑӑнхи апатлану» («Ужин после полуночи»), «Ўатан карта ӑинчи хура хӑмла ӑырли» («Ежевика вдоль плетня») (см. [2]), А. Тара-

сов «Сутнă пуртри юлашки каç» («Последняя ночь в проданном доме»), Н. Ильина «Даниил» («Даниил») (см. [7]).

Разрушение оппозиций «добро – зло», «любовь – ненависть», «смех – ужас», «прекрасное – безобразное», «жизнь – смерть» дает повод говорить о деканонизации традиционных ценностных центров в современном обществе [15]. В рассказе Н. Ильиной «Фигура девушки» явно вырисовывается противопоставление «прекрасное – безобразное»: с одной стороны, очень изящная девичья фигура из песка на берегу реки, с другой – воспоминания главной героини о былой своей красоте и потраченной впустую жизни. Наблюдая, как ночной ливень разрушает песчаную фигуру, она видит в ней себя и молча захлебывается в слезах раскаянья по беспутно прожитой жизни. Как короток путь от красоты до безобразия! Или взять Даниила из одноименного рассказа этой же писательницы: и смешное, и ужасное идут рядом. В наркотическом опьянении его до смерти избивает собственный брат, к которому он приехал в поисках приюта. Как Даниил дошел до этого? Почему такое стало возможно? Ответ очень прост: из-за нашего бездействия и пассивности. Мы молчим и отворачиваем глаза, когда видим несправедливость, ложь; принимаем сторону тех, кто сильнее на данный момент, заведомо зная, что он не прав.

Особенно остро в этом произведении поднята проблема сохранения родного языка как части самобытной культуры народа. Даниил всю жизнь преподавал в вузе родной язык, а своего сына ему не научил. В итоге тот брезгливо относится не только к родной культуре, но и к родителям как к изжившим себя рудиментам. Проблема потери языка оголяет более глубокие истины: неуважение к старшим ведет к уничтожению семейных ценностей, потеря самобытности – к потере личного человеческого достоинства.

В связи с этим особенную актуальность приобретает проблема сохранения традиционных духовных ценностей общества; но, к сожалению, понятия «духовность» и «гуманизм» актуальны лишь для малой части населения России, так называемых «гуманитариев».

Резюме. Как видим из выборочного анализа произведений, для чувашского этноса, как и для всего многонационального российского народа, духовное начало, основанное на коллективном опыте, традициях, является приоритетным. Позволим себе закончить статью идеями о России А. Тойнби, П. Сорокина и Н. Бердяева, которые верили в будущее страны, где столь разные народы объединены в культурное, политическое, социальное и экономическое целое на основе духовности, которая способна возродить цивилизацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айги Г. Н. Слово о чувашах, моем добром народе // ЛИК Чувашии. – 1995. – № 3. – С. 170–172.
2. Афанасьева Е. Р. Типология жанров чувашской драматургии 1970–1990-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. – Чебоксары, 2000. – 145 с.
3. Гилязов А. М. При свете зарниц : повести. – М. : Сов. Россия, 1990. – 496 с.
4. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. Вып. 6. – Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 1973. – 572 с.
5. Матвеев Г. М. Мифологическая картина мира этноса : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. – Чебоксары, 2007. – 338 с.
6. Мышкина А. Ф. Отражение национальных традиций в художественно-философской прозе // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 1. – С. 358–364.
7. Мышкина А. Ф. Чăваш литературинчи тискер пурнăç сăнарĕ // Ашмаринские чтения : сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2019. – С. 89–93.
8. Попова М. К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. – Воронеж : ВГУ, 2004. – 170 с.
9. Степанов А. Г. Традиции коллективизма чувашского народа как социокультурный феномен : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. – Чебоксары, 2003. – 146 с.
10. Степин В. С. Перспективы цивилизации: от культа силы к диалогу и согласию // Этическая мысль. – М. : ИФ РАН, 2002. – 237 с.
11. Федоров Г. И. Наци кун-сӹлӹн сӹнарлӹ тӹкӹрӹ // Чăваш литературин антологийӹ. Пӹрремӹш том : Проза. – Шупашкар : Чăв. кӹн. изд-ви, 2003. – 551 с.

12. Чекушкина Е. П. Мотивы музыкальных звуков в произведениях Ю. Скворцова и А. Гилязова // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. – 2015. – № 1(3). – С. 283–285.
13. Чекушкина Е. П. Отражение конфликта человеческого и духовного миров в произведениях К. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4(58), ч. 1. – С. 41–43.
14. Чуева Э. В. Пословицы со значением сравнения как способ отражения национально-культурного мировоззрения // Русский язык в условиях би- и полилингвизма : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2018. – С. 107–109.
15. Якимова (Афанасьева) Е. Р., Чекушкина Е. П., Софронова И. В. Парадигма традиционных ценностей в современной чувашской литературе (на примере творчества Н. Ильиной) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 8(74), ч. 2. – С. 60–62.
16. Якимова Е. Р. Геннадий Айги и Антуан Витез: страницы дружбы // Ашмаринские чтения : сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2019. – С. 136–137.
17. Якимова Е. Р., Федотова Е. В. М. Ф. Федоров пурнăçĕпе пултарулăхĕн палăрах тапхăрĕсем // Классик чувашской литературы Михаил Федоров : сборник статей. – Чебоксары, 1998. – С. 38–41.

Статья поступила в редакцию 12.07.2019

REFERENCES

1. Ajgi G. N. Slovo o chuvashah, moem dobrom narode // LIK Chuvashii. – 1995. – № 3. – S. 170–172.
2. Afanas'eva E. R. Tipologiya zhanrov chuvashskoj dramaturgii 1970–1990-h godov : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.02. – Cheboksary, 2000. – 145 s.
3. Gilyazov A. M. Pri svete zarnic : povesti. – M. : Sov. Rossiya, 1990. – 496 s.
4. Lotman Yu. M. O dvuh modelyakh kommunikacii v sisteme kul'tury // Trudy po znakovym sistemam. Vyp. 6. – Tartu : Ild-vo Tartuskogo un-ta, 1973. – 572 s.
5. Matveev G. M. Mifozazyčeskaya kartina mira etnosa : avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk : 09.00.11. – Cheboksary, 2007. – 338 s.
6. Myshkina A. F. Otrazhenie nacional'nyh tradicij v hudozhestvenno-filosofskoj proze // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2006. – № 1. – S. 358–364.
7. Myshkina A. F. Chăvash literaturinchi tisker purnăç sânară // Ashmarinskie chteniya : sbornik materialov XI Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. – Cheboksary, 2019. – S. 89–93.
8. Popova M. K. Nacional'naya identičnost' i ee otrazhenie v hudozhestvennom soznanii. – Voronezh : VGU, 2004. – 170 s.
9. Stepanov A. G. Tradicii kollektivizma chuvashskogo naroda kak sociokul'turnyj fenomen : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11. – Cheboksary, 2003. – 146 s.
10. Stepin V. S. Perspektivy civilizacii: ot kul'ta sily k dialogu i soglasiyu // Eticheskaya mysl'. – M. : IF RAN, 2002. – 237 s.
11. Fedorov G. I. Naci kun-çulĕn sânarlă tĕkĕrĕ // Chăvash literaturin antologijĕ. Pĕrremĕsh tom : Proza. – Shupashkar : Chăv. kĕn. izd-vi, 2003. – 551 s.
12. Chekushkina E. P. Motivy muzykal'nyh zvukov v proizvedeniyah Yu. Skvorcova i A. Gilyazova // Aktual'nye napravleniya nauchnyh issledovanij: ot teorii k praktike. – 2015. – № 1(3). – S. 283–285.
13. Chekushkina E. P. Otrazhenie konflikta chelovecheskogo i duhovnogo mirov v proizvedeniyah K. Ivanova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 4(58), ch. 1. – S. 41–43.
14. Chueva E. V. Poslovice so znacheniem sravneniya kak sposob otrazheniya nacional'no-kul'turnogo mirovozzreniya // Russkij yazyk v usloviyah bi- i polilingvizma : sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii. – M., 2018. – S. 107–109.
15. Yakimova (Afanas'eva) E. R., Chekushkina E. P., Sofronova I. V. Paradigma tradicionnyh cennostej v sovremennoj chuvashskoj literature (na primere tvorchestva N. Il'inoj) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 8(74), ch. 2. – S. 60–62.
16. Yakimova E. R. Gennadij Ajgi i Antuan Vitez: stranicy družby // Ashmarinskie chteniya : sbornik materialov XI Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. – Cheboksary, 2019. – S. 136–137.
17. Yakimova E. R., Fedotova E. V. M. F. Fedorov purnăçĕpe pultarulăhĕn pallărah taphărĕsem // Klassik chuvashskoj literatury Mihail Fedorov : sbornik statej. – Cheboksary, 1998. – S. 38–41.

The article was contributed on July 12, 2019

Сведения об авторах

Якимова Екатерина Романовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: katya-af@yandex.ru

Трофимова Светлана Валерьевна – начальник Центра профориентационной работы и довузовской подготовки Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: svetlanavalerjevna91@gmail.com

Author information

Yakimova, Ekaterina Romanovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Chuvash Philology and Culture, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: katya-af@yandex.ru

Trofimova, Svetlana Valeryevna – Head of the Career Guidance and Pre-University Training Center, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: svetlanavalerjevna91@gmail.com